

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ И ОПОР ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОВА

Вводные замечания

Проблема идентификации психологической структуры значения слова как процесса и обуславливающих этот процесс механизмов и операций занимает важное место в исследованиях производства и понимания речи. Функционирование слова в лексиконе человека обеспечивается комплексом многоступенчатых процессов, протекающих на разных уровнях осознания при взаимодействии продуктов переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта [Залевская 1990]. Моделирование этих процессов предполагает не только изучение внутренней структуры ментального лексикона как компонента грамматики, отдельные вхождения в котором объединены различными типами связей и содержат всю информацию о словах (фонологическую, морфологическую, семантическую и синтаксическую), которой владеет носитель языка. Основное внимание уделяется собственно психическим процессам, связанным с репрезентацией знаний у человека, с организацией знаний и особенностями их хранения и извлечения (см. подробнее [Залевская 1992; 1996]).

Современные модели восприятия речевого сообщения предполагают, что динамические процессы, участвующие в распознавании слова, оперируют на базе ментального лексикона. Исследование процессов идентификации слов и поиска их значений в известной мере опосредовано изучением ментальных репрезентаций лингвистических единиц. Такой подход является достаточно современным, поскольку более ранние исследования в этой области касались преимущественно базовых (элементарных) единиц чтения или звучащей речи и основывались, как правило, на данных о природе перцептивных процессов и единиц. Большей частью подобные исследования проводились с позиций психологии восприятия и не были мотивированы концепцией ментального лексикона как особого хранилища слов со своими организационными принципами. Утвердившийся в исследованиях последних лет когнитивный подход к проблемам языка и мышления предполагает создание интегративной теории восприятия, объясняющей взаимодействие концептуальных и перцептивных механизмов в процессе речемыслительной деятельности человека [Кубрякова 1996]. В настоящей главе делается попытка объединить разрозненные подходы в рамках психолингвистической концепции слова как достояния индивида.

Под термином «идентификация» в зарубежной литературе по когнитивной психологии и психолингвистике понимается процесс распознавания визуального стимула. Предполагается, что доступ к значению слова осуществляется только тогда, когда стимул идентифицирован полностью. Предложенная А.А.Залевской психолингвистическая теория слова как достояния индивида, как средства доступа к единой информационной базе человека привела к более широкой трактовке термина «идентификация слова», оперирование которым предполагает обозначение всего ансамбля психических процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания (понимания) того, о чем идет речь, готовность оперировать этим знанием с учетом разностороннего предшествующего опыта и эмоционально-оценочных нюансов, при постоянном взаимодействии осознаваемого и

неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации [Залевская 1990, 1992, 1998]. Моделирование процессов идентификации слова предполагает в исследовательских целях условно разграничить следующие стадии этого единого процесса: доступ к слову - узнавание слова - идентификация слова.

Далее по тексту теоретические положения будут иллюстрироваться материалами проведенных нами психолингвистических экспериментов, при этом орфография и стиль ответов испытуемых сохранены.

При рассмотрении процесса идентификации слова ключевым оказывается понятие *стратегии*. Стратегическая природа когнитивных процессов переработки информации человеком в последнее время все больше привлекает внимание исследователей. Т.А. ван Дейк и В.Кинч отмечают, что любая комплексная обработка информации является *стратегическим* процессом, в результате которого с целью интерпретации (понимания) сообщения в памяти конструируется его ментальное представление - репрезентация [ван Дейк, В.Кинч 1988], при чем в соответствующих процессах принимает участие не только воспринимаемая информация, но информация, содержащаяся в памяти. Прочное место в современной когнитивной психологии, психолингвистике и смежных науках заняли исследования стратегических моделей понимания текста и идентификации слова [Барсук 1991; Родионова 1994; Сазонова 1993; Тогоева 1989], стратегий преодоления лексических трудностей при речепроизводстве [Пойменова 1997], стратегий владения и овладения вторым языком [Залевская 1996; Gass & Selinker 1994; Williams & Burden 1997] и др. Обзор публикаций по данной проблеме показывает, что понятие "стратегический" в различных исследованиях трактуется неоднозначно. Впервые понятие стратегии было использовано Т.Бивером [Bever 1970] с целью интерпретации психических процессов, участвующих в интерпретации предложений. Т.Бивер сформулировал и описал более двенадцати стратегий, участвующих в процессе восприятия текста. Хотя позднее его теория подвергалась критике как неадекватная [Garnham, 1985], само понятие *эвристических стратегий* оказалось весьма продуктивным. Дж. Брунер предлагает определение стратегии как закономерности в принятии решений в ходе познавательной деятельности человека. В работе [Williams & Burden 1997] это определение конкретизируется в современной терминологии: авторы говорят о *когнитивных стратегиях*, понимая под этим определением ментальные процессы, непосредственно направленные на переработку информации и обеспечивающие усвоение, хранение и извлечение информации из памяти. Ряд исследователей оперируют понятием "стратегический" для разграничения автоматической и контролируемой обработки информации, противопоставляя автоматическое и стратегическое. Однако, более пристальное изучение стратегий показало, что некоторые из них используются сознательно, другие неосознанно. Когнитивные стратегии, принимающие участие в процессе идентификации слова и понимания текста, чаще всего являются неосознаваемыми и ненаблюдаемыми; в этом заключается одна из причин спорности исследований в данной области.

Понятие автоматизма также получает разную трактовку в зависимости от конкретных исследовательских задач и предлагаемых когнитивных и психолингвистических моделей функционирования слова и обработки информации, стоящей за словом в индивидуальном сознании и подсознании. Речевые автоматизмы, являясь основой и условием всей речевой деятельности, одновременно составляют серьезное препятствие в изучении внутриречевых процессов [Зимняя 1989]. Проблема объяснения механизмов обработки естественного языка, построения модели понимания сообщения, модели функционирования слова в индивидуальном лексиконе

успешно решается в рамках когнитивного подхода к языку как одному из компонентов когнитивной способности человека, наделенному всеми характеристиками и свойствами последней. В основе ранних моделей такого типа лежит тезис о взаимодействии различных типов знания, при этом сама база знаний рассматривается как саморегулирующаяся и самоорганизующаяся система, которая характеризуется подвижностью и изменяется на основе новых данных. Предлагаются модели, которые учитывают характер обработки информации, что наиболее наглядно представлено в унитарных моделях, рассматривающих память как обширную взаимосвязанную сеть. Активация какой-то части сети выше порогового уровня выводит связанные с ней образы и репрезентации на уровень актуального сознания. Такие модели дают представление о взаимосвязи и взаимообусловленности единиц памяти как информационной базы человека и соотносятся с компонентными моделями.

В психолингвистике последних лет широко представлен интерактивный подход к лексикону и его функционированию. Общим положением, объединяющим различные интерактивные модели, является интеракция концептуальных знаний и информации о форме стимула при поиске ментальной репрезентации слова. В отличие от многих подходов к проблеме идентификации слова, предполагающих, что уровни структуры воссоздаются один за другим, и, особенно, что семантическая интерпретация начинается только тогда, когда получены фонетическая и синтаксическая репрезентация, для интерактивных моделей характерна идея параллельной обработки сигнала на всех уровнях. Предполагается также, что результат обработки одного уровня является доступным для всех остальных уровней и может служить опорой для активации полной ментальной репрезентации.

Ряд исследователей полагают, что ключевым звеном в решении проблемы обработки языка являются не знания, а те характеристики конкретных носителей языка, субъектов коммуникации, которые не подлежат стереотипизации и концептуальному моделированию, а именно, целеполагание, формирование и удовлетворение потребностей, эмоциональные состояния, скрытые мотивы, мировоззренческие ценности и др. Осмелюсь предположить, что такое противопоставление не имеет оснований, поскольку все вышеназванные характеристики активного, пристрастного, познающего субъекта так или иначе репрезентированы в его информационной базе и пересекаются со структурами знаний, отражая определенную субъективно значимую психическую реальность.

Стратегические модели с одной стороны в некоторой мере позволяют совместить все предложенные подходы в рамках одной теории, а с другой - отводят первостепенную роль говорящему и воспринимающему информацию субъекту. Стратегические модели позволяют объяснить, как в рамках внутреннего когнитивного контекста человек интегрирует и организует новую информацию, заполняет пробелы в случае поступления недостаточной или искаженной информации, осуществляет доступ к конкретным аспектам вербальной информации. Стратегические модели преодолевают основной недостаток предложенных в разное время теорий восприятия и понимания, а именно, тот факт, что они рассматривают собственно процессы и формирующиеся в ходе этих процессов ментальные репрезентации. Сам же субъект деятельности в единстве всех его перцептивно-когнитивно-аффективных характеристик, имеющий разный жизненный опыт, различную мотивацию, остается за пределами внимания исследований. Одним из возможных путей преодоления сложившейся ситуации представляется изучение *стратегий и опорных элементов*, используемых носителем языка в процессе восприятия речи. Исследование и моделирование механизмов, соединяющее воедино

знание и использование языка, в частности механизмов распознавания слова в процессе восприятия речевого сообщения, является на сегодняшний день весьма актуальной задачей.

С целью выявления стратегий и опорных элементов используемых носителем языка при идентификации нового слова было проведено психолингвистическое исследование процесса идентификации прилагательных-неологизмов. Обращение к новому слову как к экспериментальному материалу было вызвано предположением, что процесс идентификации таких слов будет замедляться, и позволит тем самым эксплицировать отдельные этапы этого процесса. Особо следует отметить, что говоря о новых словах, мы имеем в виду слова, не встречавшиеся ранее человеку в его речевой практике. Обращение к словарю новых слов позволило обеспечить условие, что слова, зарегистрированные как неологизмы, окажутся новыми для большинства испытуемых. Таким образом, мы обращаемся к новому слову как к *средству*, позволяющему эксплицировать некоторые процессы и механизмы понимания слова, которые не осознаются человеком в его речевой практике.

Опыт экспериментального исследования процесса идентификации новых прилагательных русского языка

Одной из проблем, которые встают перед исследователями процессов идентификации визуального стимула, является выбор соответствующих экспериментальных заданий и методик для проверки выдвигаемых гипотез. Обзор литературы по исследуемой проблеме показывает, что до недавнего времени, общепринятой стратегией исследования начального этапа идентификации слова, а именно лексического доступа и распознавания слова, было использование по крайней мере двух классических парадигм: принятие лексического решения (*lexical decision*) и называние слова (*lexical naming*) с последующим сравнением результатов. В работе [Carreiras et. al. 1997] проводится сопоставление результатов четырех экспериментов, проводившихся с одним списком стимулов. Предупреждая о необходимости соблюдать осторожность при сопоставлениях такого рода, авторы считают, что глобальный анализ полученных результатов помогает разграничить механизмы, специфичные для выполнения конкретного задания, и механизмы, не зависящие от задания, а отражающие специфику репрезентации знания в лексиконе индивида. Однако, наряду с положительными сторонами этих методик, исследователи отмечают и ряд недостатков. Так, задание на принятие лексического решения включает в себя процессы принятия других дополнительных решений, а не только процесс распознавания слова (напр., [Balota 1990; Balota & Chumbley 1984]). Также имеются оговорки относительно числа заданий: высказывалось предположение, что наилучшей стратегией изучения процесса распознавания слова является получение сопоставимых экспериментальных данных по двум вышеупомянутым заданиям [Balota & Chumbley 1984; Andrews, 1989].

Исследовательский опыт ученых Тверской психолингвистической школы показал, что одним из эффективных способов исследования особенностей опознавания слов является изучение процессов идентификации словесных новообразований с использованием специально разработанного комплекса экспериментальных методик и процедур [Залевская 1990; Родионова 1994; Сазонова 1993; Тогоева 1989]. При встрече с новым словом в некоторой степени могут эксплицироваться используемые носителями языка стратегии и опорные элементы, не осознаваемые в условиях

естественного речевого общения и не выявляемые в других экспериментальных ситуациях.

С целью экспликации механизмов и стратегий идентификации слов при восприятии текста было проведено психолингвистическое исследование на материале новых прилагательных русского языка с русскоязычными испытуемыми [Сазонова 1993, 1994]. Материалом исследования послужили прилагательные русского языка, отобранные по словарю-справочнику “Новое в русской лексике” [Котелова, 1984]. Экспериментальный список включал 24 стимула, которые представляли собой морфологически сложные слова, построенные по различным словообразовательным моделям и обладающие различной степенью семантической прозрачности. Исследование осуществлялось на основе комплексной методики. Основным эксперимент проводился по методике, предложенной С.И.Тогоевой [1988] для изучения особенностей идентификации словесного новообразования на материале русских существительных и включавшей следующие задания: 1/ опознание слова как знакомого (+) или незнакомого (-); 2/ субъективное шкалирование по пятибалльной шкале (0-4); 3/ свободный ассоциативный эксперимент; 4/ субъективную дефиницию. Дополнительный эксперимент был разработан специально для нашего исследования и был построен таким образом, чтобы проследить, как человек оперирует новым, не встречавшимся ранее, словом, и исключить возможность предварительного опознания слова, что было неизбежно на продвинутых этапах работы испытуемых (далее - ии.) в ходе основного эксперимента. Ии. предлагалось составить предложения со словами экспериментального списка и записать слова, близкие по значению стимулу.

Анализ полученных данных проводился в соответствии со специально разработанной процедурой. Мы исходили из представлений о том, что материалы разных заданий эксперимента отражают различные этапы работы со словом, т.е. различные уровни его идентификации, и позволяют проследить разнообразные опорные элементы, используемые носителями языка в многоэтапном процессе идентификации слова. Кроме того, опыт работы в ассоциативном эксперименте показал, что уже после третьего-четвертого стимула ии. вырабатывают индивидуальную стратегию реагирования, что явно прослеживается в ходе вертикального анализа экспериментальных бланков. На этих основаниях было признано рациональным предпринять суммарный анализ всех материалов, полученных в основном и дополнительном экспериментах, что дало возможность построить для каждого исследуемого прилагательного единое поле данных, интегрирующее все выявленные опорные элементы и модели связей между исследуемым словом и полученными ответами испытуемых. В итоге для каждого слова были построены *интегративные поля данных*, отражающие все идентификационные стратегии, модели связи единиц ментального лексикона и приоритетные опоры идентификации слов (формальные и семантические). Такой подход к анализу экспериментального материала дал возможность обнаружить некоторые закономерности, выпадающие из поля зрения исследователя при раздельном рассмотрении данных по каждому конкретному заданию эксперимента.

Экспериментальное исследование позволило выделить две основные стратегии идентификации новых прилагательных носителями русского языка в зависимости от характера опоры, мотивировавшей идентификацию стимула: стратегию опоры на формальные мотивирующие элементы и стратегию опоры на ситуацию, которые реализуются в следующих моделях идентификации: опознание мотивирующего слова и/или основы стимула, опознание словообразовательной модели стимула, приписывание признака его потенциальному носителю, прямая дефиниция значения

стимула, конкретизация стимула через синоним/симиляр, реакция по сходству звуко-буквенного комплекса, прагматическое осмысление, реакция координированным членом категории, отказ от реакции.

1. Стратегия опоры на формальные мотивирующие элементы

Стратегия идентификации прилагательного-неологизма путем опоры на формальные мотивирующие элементы отражает специфику функционирования механизма опознания стимула на уровне его словоформы и является особенно характерной для малоизвестных и малопонятных слов. Мотивирующими элементами идентификации послужили различные компоненты слова, как значимые, или морфологические компоненты слова, к числу которых относятся основа или основы стимула и аффиксы, так и простые цепочки графем и/или фонем, находящиеся в начале, середине или конце слова. Идентификация также может быть обусловлена комбинацией двух или более мотивирующих элементов. Таким образом, в качестве условно разграниченных опорных элементов были выделены: графическая и/или фонетическая форма стимула, морфологическая форма стимула.

1.1. Опора на фонетический образ слова

Включение нового прилагательного в контекст предшествующего опыта носителя языка может быть мотивировано актуализацией имеющихся единиц лексикона при опоре на сходство со стимулом по некоторым формальным признакам, в связи с чем на начальных этапах идентификации имела место фонетическая или графическая “подмена” стимула. Такой подход к интерпретации экспериментальных данных согласуется с выделенными А.А.Залевской [1990] принципами организации единиц поверхностного яруса лексикона: возможность установления связей между отдельными единицами лексикона на основе совпадения элементов разной протяженности и разной локализации в составе их словоформ и возможность включения слова в контексты разного характера и разной протяженности. Взаимодействие этих принципов обеспечивает вхождение каждой единицы поверхностного яруса лексикона в большое количество связей по линиям звуковой и/или графической формы. Каждый из этих признаков служит основанием для группировки имеющихся в лексиконе единиц и играет соответствующую роль при их поиске и идентификации. Эти положения дают нам возможность интерпретировать данные нашего эксперимента в рамках существующих моделей восприятия речи (см. ниже) несмотря на то, что некоторые из них носят чисто формальный характер.

Поверхностный ярус лексикона, соответствующий формам слов, подразделяется на два подъяруса: подъярус графических образов и подъярус звуковых образов. Обработка графического стимула рассматривается нами как начальная стадия процесса идентификации, поскольку прилагательные-стимулы предлагались в эксперименте в письменном виде. Однако поскольку в онтогенезе первичным является усвоение звуковых форм слова, воспринимаемые при чтении слова «озвучиваются» во внутреннем проговаривании, что соответствует второму подъярису поверхностного уровня и рассматривается нами как опора на фонетический (фонологический) образ слова.

При моделировании процессов доступа к слову существенным оказывается разграничение этапов доступа, определение оснований для распознавания графического и/или фонетического образа слова, особенности активизации

орфографических и фонологических репрезентаций в зависимости от модальности предъявления стимула. Многие популярные психолингвистические модели лексикона характеризуются тем, что основной для них является задача объяснить, каким образом осуществляется доступ к информации и ее обработка, в меньшей степени они рассматривают ментальные репрезентации и структуру информации. Однако природа хранящихся в памяти репрезентаций представляется необычайно важной, поскольку они могут в какой-то степени определять природу механизмов доступа к слову в процессе производства и восприятия речи. Кроме того, предлагаемые различными авторами процедуры лексического доступа влияют на внутреннюю структуру лексикона и его репрезентации.

Некоторые психолингвистические модели лексикона предполагают отдельные компоненты, содержащие фонологическую, орфографическую и семантическую информацию о словах [Forster 1976; Morton 1979, Fromkin 1985]. Существует много подтверждений в пользу модульной структуры лексикона (модулярности лексической структуры). Приводятся данные по патологии речи, свидетельствующие о том, что при поражении мозга может осуществляться независимый доступ к фонетической, орфографической, семантической или синтаксической информации. Гипотеза модульного, или в другой терминологии, компонентного лексикона предполагает, что лексическое вхождение состоит из фонетической, орфографической, семантической и др. информации, хранящейся в отдельных компонентах. Таким образом, лексическая информация о слове хранится не в одном месте, а представлена в различных сублексиконах. Хотя эти компоненты независимы друг от друга, они должны быть связаны между собой через интерфейс в комплексную сеть. Для каждого лексического вхождения предполагается фонетическая, орфографическая, синтаксическая и семантическая репрезентация. На основе многочисленных данных по речевым ошибкам, языковым играм и исследованиям восприятия и производства речи, которые рассматривают фонологическое знание как более абстрактное, чем систематические или физические фонетические репрезентации, многие модели лексической обработки предполагают некую фонематическую (или морфофонологическую) репрезентацию для каждого вхождения. Однако существуют также гипотезы, подвергающее сомнению наличие фонетической репрезентации слова в ментальном лексиконе [Emmogy & Fromkin 1988]. Обычно признается, что исходный звуковой или графический сигнал должен быть так переработан воспринимающим его человеком, чтобы от физических характеристик такого сигнала через их ментальные репрезентации в памяти можно было перейти к значению слова. Являются ли лексические репрезентации модально нейтральными? В работе [Butterworth 1983] отмечается, что данных, подтверждающих это предположение нет и наблюдается четкое разграничение орфографических и фонологических репрезентаций в ментальном лексиконе; хотя некоторые данные патологии речи показали, что, возможно существование фонетической репрезентации, обслуживающей процессы производства и понимания речи.

Особо актуальным вопрос о природе лексических репрезентаций становится в связи с обсуждением проблемы лексического доступа. Как уже упоминалось, процесс доступа включает в себя несколько стадий. Во-первых, должен быть некий стимул, который «запускает» операционную систему. Предполагается, что для чтения таким стимулом является написанное слово, для восприятия устной речи - произнесенное слово, концепт - для говорения и письма. Стимул служит вводом в процедуру (набор процедур) отображения этого ввода на репрезентацию, которая обеспечивает доступ к ментальному лексикону. Поскольку такая репрезентация расположена в интерфейсе между окружением стимула и ментальным лексиконом (памятью), она называется

репрезентация доступа. Для процесса чтения это будет орфографическая репрезентация (при игнорировании дебатов о фонологическом декодировании), для устного восприятия - фонологическая репрезентация, для говорения и письма - семантико-синтаксическая. Лексический доступ осуществляется в момент контакта с репрезентацией доступа. Такой доступ ведет к извлечению всей имеющейся информации о слове.

Ссылаясь на последние данные, К.Эммори и В.Фромкин отмечают, что в процессе распознавания слова орфографические и фонологические репрезентации активируются одновременно независимо от того, в какой модальности это слово было предъявлено [Emmory & Fromkin 1988]. Такие выводы согласуются с данными нейropsychологии и психофизиологии о том, что процесс переработки сенсорных сигналов сопровождается их многократными преобразованиями и перекодированием на всех уровнях сенсорной системы. В когнитивной психологии распространенной считается точка зрения, что оперативная память работает на основе слуховых кодов, даже если код обнаруженной информации другой, например, зрительный. Исследователи, разделяющие эту точку зрения отмечают, что хотя есть данные, указывающие, что коды каким-то образом комбинируются, доминирующим информационным кодом оперативной памяти является слуховой. Причем эти особенности кодирования в оперативной памяти, очевидно, распространяются и на тех людей, у которых сенсорные способности к слуховой обработке ограничены. Противоположное мнение представлено альтернативными теориями, которые ставят под сомнение вывод о том, что информация кодируется в кратковременной памяти только акустическим способом, отмечая возможность кодирования информации также в зрительном коде, а по некоторым другим данным, в кратковременной памяти может кодироваться и семантическая информация [Солсо 1996].

К настоящему моменту накоплен большой экспериментальный материал, показывающий, что при выполнении разнообразных заданий с написанным словом, фонологическая репрезентация активируется практически сразу после визуального предъявления графического стимула. В частности, Л.А.Петтеffi и его коллеги [Perteffi & Bell, 1991; Perteffi, Bell & Delaney 1988; Perteffi, Zhang & Berent 1992] установили, что при идентификации визуального стимула активация фонологической репрезентации осуществляется в пределах 60 мсек. после его предъявления. Другие исследователи также подчеркивают определенную роль фонологической репрезентации в процессе распознавания визуального стимула в разных экспериментальных условиях [Van Orden 1987; McCann & Besner 1987]. Еще одним доказательством важной роли фонологической репрезентации в осуществлении лексического доступа служит исследование [Hooper & Paap 1997]. В ряде экспериментов авторы проверяли валидность моделей распознавания визуального стимула, в которых предполагалось, что решение о доступе, принимается исключительно на основе орфографической информации: фонологии в этом процессе не отводилось места [McClelland & Rumelhart 1981; Paap, Newsome, McDonald & Schvaneveldt 1982]. Авторы статьи пришли к выводам, что в процессе доступа к слову фонологическая репрезентация формируется и/или адресуется мгновенно и автоматически. Однако автоматическое конструирование фонологической репрезентации и ее использование - это различные процессы. Автоматически созданная репрезентация может быть и не использована в процессе распознавания слова.

Участие фонологических процессов на самых ранних этапах идентификации слова экспериментально установлено для языков разного строя и различных

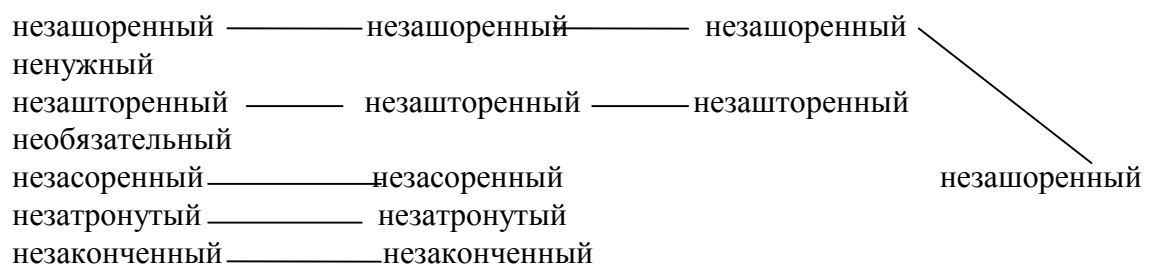
графических систем [Tan & Perteffi 1997]. В отличие от гипотезы, что в китайском языке при чтении доступ от печатного слова к его значению осуществляется напрямую, данное исследование показывает, что при чтении имеет место ранняя активация фонологической информации, которая возможно даже опережает активацию семантической информации [Cheng & Shih 1988; Perteffi & Zang 1991; Tan, Hoosain & Siok 1996. цит. по [Tan & Perteffi 1997]]. Однако, констатируя данный факт, эти исследования не показывают, что активизация фонологических репрезентаций, какой бы быстрой и даже автоматической она ни была, действительно способствует осуществлению доступа к семантической информации. В этом заключается разница между автоматической активацией фонологической репрезентации и фонологическим опосредованием доступа к значению слова. Ответ на вопрос о том, опосредуют ли фонетические (фонологические) процессы доступ к значению написанного слова является менее очевидным. Есть данные исследования, выполненного на материале английского языка, которые показывают влияние семантических ассоциатов на скорость распознавания стимула (например, влияние слова *beech* - *бук*, которое является омофоном слова *beach* - *пляж* для распознавания слова *sand* - *песок* в отличие от контрольного *bench* - *скамья*). Это явление получило название - *фонологически опосредованное предшествование* (phonologically mediated priming) [Lesch & Pollatsek 1993].

В нашем экспериментальном материале имеются многочисленные свидетельства неверного опознания стимула, вызванные неточным распознаванием графического и/или фонетического образа слова. Примерами неверного опознания стимула служат добавления элементов в новое слово или “подмены” одной буквы другой, а также реакции, имевшие место в результате неправильного морфологического анализа производного слова. Мы полагаем, что такие “сбои” происходят на этапе доступа к слову и являются скорее закономерными, чем случайными, поскольку они отражают особенности хранения лексических единиц в ментальном лексиконе и, в некоторой мере, отражают процессы доступа к ним. Одним из факторов, обусловивших неверное опознание предъявленного слова являются частотные характеристики графических и фонетических “соседей” стимула [Сазонова 1999]. Многие модели распознавания слова предполагают, что орфографически сходные слова будут каким-то образом соревноваться с кандидатом в процессе распознавания, а степень участия в этом соревновании будет функцией относительной частотности слова-кандидата и его орфографических «соседей» (например, [Forster 1976; McClelland & Rumelhart 1981; Norris, 1986]). По предложенному в работе [Coltheart, Davelaar, Jonasson & Besner, 1977] определению, по крайней мере для коротких слов, орфографическим соседом является любое слово, которое можно получить от исходного путем изменения одной буквы при сохранении остальных позиций (например, слова *бур*, *бак* и *сук* будут являться орфографическими соседями слова *бук*). В связи с этим определением исследовались две переменные, связанные с орфографическим сходством. Ряд исследователей изучали влияние более высокочастотных соседей (neighborhood-frequency effect) на процесс распознавания слова-стимула [Grainger, O’Regan, Jacobs & Segui 1989]. Результаты показали, что слова, имеющие высокочастотных соседей представляют большую трудность для распознавания, чем слова, таких соседей не имеющие. Подобные результаты были получены для слов датского, английского, французского и испанского языков при исследовании лексического доступа (см. обзор в [Carreiras, Perea & Grainger 1997]). Большое же количество орфографических соседей облегчает задачу распознавания слова.

Прилагательные нашего экспериментального списка, представившие наибольшую трудность для идентификации, хорошо иллюстрируют гипотезу В.Д.Марслена-Вильсона, который полагает, что слова в ментальном лексиконе упорядочены по их начальным сегментам [Marslen-Wilson 1980]. Предложенная автором «когортная модель» предполагает, что доступ к слову осуществляется путем последовательного перебора списка слов, организованного по их начальным фонемам. Согласно этой модели, распознавание слова осуществляется следующим образом: одна или две первые фонемы активируют в памяти человека все слова, начинающиеся с этой последовательности фонем. Сужение когорты слов - кандидатов на распознавание происходит за счет сопоставления членов когорты с поступающей сенсорной информацией. Процесс сужения происходит до тех пор, пока из всех возможных кандидатов остается одно слово, соответствующее сенсорному сигналу. Для примера покажем, каким образом могла происходить идентификация слова ТОЛМАЧЕСКИЙ. При встрече с началом слова Т..., в памяти человека всплывает огромный ряд слов, образующих начальную когорту: «тупой», «толочь», «толмач» и т.д. (здесь и далее по всему тексту главы, теоретические положения иллюстрируются словами нашего экспериментального списка, которые даны заглавными буквами, и полученными реакциями испытуемых), которая затем сужается под влиянием последующих элементов слова до тех пор, пока не остается одно слово. Можно предполагать, что реакция ии. представляет собой актуализацию какого-то слова в процессе перебора возможных кандидатов на этапе доступа, которое по некоторым причинам субъективно переживается как наиболее близкое стимулу:

Согласно модели В.Д.Марслена-Вильсона, сужение когорты может осуществляться как по мере поступления сенсорной информации, так и под влиянием контекста. В нашем эксперименте слова предъявлялись изолированно, но тем не менее, есть свидетельства, что помимо вышеназванных, существуют другие факторы, обеспечивающие сужение когорты слов. Как показывает наш экспериментальный материал, при последовательном пересмотре слов-кандидатов в когорте предпочтение отдается слову, относящемуся к одному и тому же классу слов или, точнее имеющему сходную со стимулом словообразовательную модель:

Как отмечают Карин Эммори и Валерия Фромкин [Emmory & Fromkin 1988], многочисленные свидетельства в пользу когортной модели подтверждают тот факт, что начальные элементы слова действительно обеспечивают быстрый доступ к нему. Но это отнюдь не означает, что невозможно существование других оснований для упорядочивания слов в ментальном лексиконе. Авторы когортной модели полагают, что конечные элементы слова не всегда необходимы для распознавания, из чего можно сделать вывод, что они являются менее значимыми. Однако существует и другая точка зрения, сторонники которой считают, что для распознавания слова конечные элементы важны даже более, чем те, которые находятся в середине слова (См., например, [Cutler, Hamkins & Gilligan 1985; цит. по: Emmory & Fromkin 1988]). Тем самым высказывается возможность упорядочивания единиц ментального лексикона по конечной рифмуемой структуре или конечному слогу. Возвращаясь к прилагательному НЕЗАШОРЕННЫЙ можно было бы предположить, что перебор кандидатов на распознавание проходил благодаря опознанию конечного слога, но нам представляется более вероятным, что, опознавая новое слово, носитель языка использует весь арсенал имеющихся у него средств, и поиск значения осуществляется по всем направлениям одновременно. Как видно из рисунка, для ии. актуальными являются не столько сами конечные элементы слова, сколько факт их наличия: среди кандидатов на опознание НЕЗАШОРЕННЫЙ имеются не только слова, оканчивающиеся на -НЬИЙ, но и слова, оканчивающиеся на -ТЬИЙ. Факт опознания словообразовательной модели стимула, на наш взгляд, является одним из факторов, обеспечивающих сужение когорты. Уменьшение числа кандидатов на опознание за счет распознавания словообразовательной модели возможно на любом этапе сужения когорты при поступлении новой сенсорной информации.

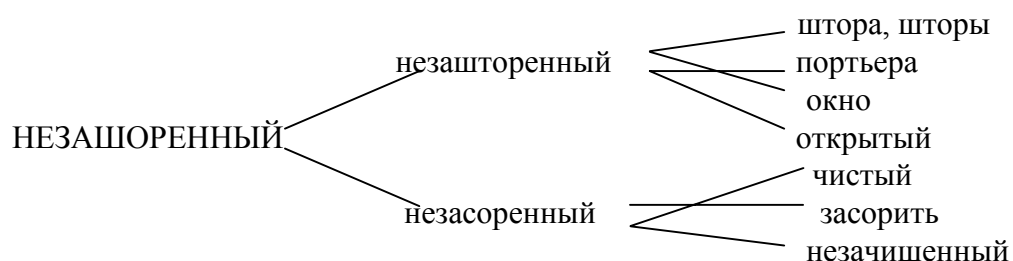
Одним из дискуссионных вопросов связанных с обсуждением когортной модели, остается вопрос о том, содержит ли лексическая репрезентация фонетическую информацию о словах, Поскольку при идентификации изолированного слова речь идет только о соответствии сенсорному сигналу, без учета влияния контекста, необходимо определить на какой основе - фонетической или фонологической - происходит исключение кандидатов из когорты. Если осуществляется сопоставление стимула с фонетической репрезентацией, то когорта будет несоизмеримо больше, чем при выборе кандидатов путем сопоставления с более абстрактной фонологической репрезентацией. Когортная модель была предложена авторами как попытка воссоздать процесс распознавания звукового сигнала. Обсуждая наши экспериментальные данные с позиций этой модели, мы изначально предполагаем возможность функционирования подобных процессов при идентификации визуально предъявленного стимула, что возможно при осуществлении ряда преобразований с учетом применения правил графемно-фонемной конверсии. Однако, как показывает наш экспериментальный материал, распознавание стимула может происходить путем опоры на графическую форму слова, Для анализа подобных случаев обратимся к другим моделям восприятия речи и распознавания слова, предусматривающим *прямой доступ к орфографической репрезентации слова.*

1.2. Опора на графический образ слова

Помимо фонологической репрезентации каждая единица ментального лексикона всех грамотных носителей языка должна содержать орфографическую репрезентацию. Наличие орфографической репрезентации обеспечивает возможность восприятия визуально предъявленных слов, процесс осознания которых не может быть обеспечен применением правил графемно-фонемной конверсии. Это касается всех случаев

орфографии слов, в которых не соблюдаются правила графемно-фонемного соответствия, что характерно для многих языков. Высказывается предположение, что доступ к слову путем фонемно-графемных преобразований и доступ к слову путем установления соответствия графического образа стимула и его орфографической репрезентации, который представляет собой чисто визуальный процесс, обеспечивается функционированием разных стратегий [McCusker, Hilliger & Bias 1981; цит. по: Emmory & Fromkin 1988].

С точки зрения изучения процессов и механизмов идентификации слова большой интерес представляют случаи неверного опознания значения стимула, примеры которых широко представлены в нашем экспериментальном материале. Наряду со многими другими, одной из причин неправильного опознания значения нового слова может служить факт неверного опознания графического образа прилагательного. Зарегистрировано множество примеров, когда различие в графической форме стимула и реакции заключается в одном или двух знаках: например, ВЕЗДЕСУЙНЫЙ - вездесущный, ТОЛМАЧЕСКИЙ - толкачевский, ПОРЕПАННЫЙ - потрепанный, НАЗЕРКАЛЕННЫЙ - назеркальный.

Выше на рисунке представлены некоторые ассоциативные реакции и субъективные дефиниции, свидетельствующие о неправильном опознании графической формы прилагательного НЕЗАШОРЕННЫЙ. Это примеры реализации различных идентификационных моделей, но все они заставляют предположить, что на этапе доступа к слову произошла графическая “подмена” стимула. Иначе говоря, актуализация слова, близкого по графической форме стимулу, приводит к тому, что идентифицируется не само предъявленное для опознания слово, а его «графический сосед».

Возможность реализации доступа к слову путем сопоставления стимула с его орфографической репрезентацией предусматривается моделями так называемого прямого доступа (в отличие от моделей поискового типа, как, например, рассмотренная выше когортная модель). Среди концепций прямого доступа наиболее известной является модель логогенов Дж. Мортонa [Morton 1969, 1979]. Логоген представляет собой некоторый набор признаков и является центральным компонентом системы распознавания слова. Каждому слову или, возможно, каждой морфеме, которые известны человеку, соответствует один логоген. Распознавание слова осуществляется посредством слухового или визуального анализа стимула и сопоставления результатов этого анализа с набором признаков логогена.

Выше уже неоднократно отмечалось, что русские прилагательные неологизмы характеризуются очень низкой степенью новизны, и то, что они обозначают, субъективно переживается ии. как уже известное. Но сам факт регистрации этих прилагательных в словаре новой лексики позволяет предполагать, что в письменных источниках (т.е. в орфографической форме) эти слова ии. не встречались или, по крайней мере, встречались крайне редко. Следовательно, орфографические

репрезентации этих слов не могут быть представлены в ментальном лексиконе. Существует вероятность, что при идентификации слова, не имеющего орфографической репрезентации в ментальном лексиконе, происходит ошибочный доступ к слову, орфографическая репрезентация которого наиболее близка к графическому образу визуального стимула. Так, с точки зрения модели Дж. Мортон, поскольку для слова НЕЗАШОРЕННЫЙ логотип не существует, в результате визуального анализа стимула реализуется доступ в логотипы, которые имеют сходный набор признаков: логотип слова “незасоренный” или логотип слова “незашторенный”. Именно эта информация поступает затем в когнитивную систему. Предполагается, что когнитивная система способна обрабатывать ассоциативную, чувственную и текстовую информацию. Результаты обработки этой информации обеспечивают процесс идентификации слова. Этот этап обработки стимула отражают ассоциативные реакции штора, портьера, окно и т.д. при опознании стимула как “незашторенный” и реакции чистый, незачищенный, засорить при опознании стимула как “незасоренный”.

Модель логотипов Дж. Мортон объясняет лишь некоторые случаи идентификации новых слов, обусловленные неправильным опознанием графической формы стимула, так как она предполагает существование различных систем визуальных и звуковых сигналов и не допускает прямого контакта между ними. Отрицая существование связей между различными компонентами системы распознавания слова, эта модель не предусматривает возможности идентификации визуально предъявленного нового слова, не имеющего орфографической репрезентации в лексиконе.

В связи с этим представляется интересным рассмотреть пример идентификации слова ПРИПОРТАЛЬНЫЙ. При опознании этого слова подавляющее большинство ии. называют его как понятное и знакомое. Тем не менее, ни один из ответов по всем заданиям эксперимента не отражает понимания этого слова в том значении, в каком оно было зарегистрировано в словаре - «находящийся вблизи портала туннеля». Все ии. приписывают этому прилагательному значение «расположенный вблизи порта» и не испытывают никаких трудностей при включении этого слова в контекст. Очевидно, уже на этапе доступа к слову имеет место полиоперациональная обработка сигнала и, хотя в моделях прямого доступа и декларируется самостоятельность компонентов лексикона, они несомненно должны быть связаны в единую функционирующую систему.

Наличие связей между всеми компонентами лексикона предусматривается в модели восприятия речи, предложенной В.Фромкин [Fromkin 1985]. Модель В.Фромкин наряду с семантическим выделяет также фонологический и орфографический компонент лексикона. Но в отличие от предыдущей, эта модель предполагает наличие связи между различными репрезентациями при помощи адресов. Так, например, орфографическая репрезентация снабжена адресом семантической, фонологической, синтаксической и т.д. репрезентации, что позволяет осуществлять доступ к слову на основании одной из них, учитывая информацию других. Ссылаясь на последние данные К.Эммери и В.Фромкин [Emmory & Fromkin 1988] отмечают, что в процессе распознавания орфографические и фонологические репрезентации активируются одновременно независимо от того, в какой модальности это слово было предъявлено. Это согласуется с высказанным нами ранее предположением, что опознание словообразовательной модели (оно может быть не только результатом морфологического анализа, но и чисто визуальным), влияет на уменьшение числа слов - кандидатов на распознавание. Тем не менее, вопрос о морфологическом анализе и его месте в процессе опознания нового слова остается наиболее актуальным.

1.3. Опора на морфологические компоненты слова

Материалы эксперимента показывают, что мотивирующими элементами идентификации прилагательных послужили различные компоненты слова, как значимые, или морфологические компоненты, так и простые цепочки графем и/или фонем, находящиеся в начале, в середине или в конце слова. Идентификация также может быть обусловлена комбинацией двух и более мотивирующих элементов. Исследуемые слова характеризуются тем, что входящие в их состав морфемы встречаются также и в других единицах ментального словаря, и это предполагает, что система репрезентации лексических единиц каким-то образом использует преимущества этого дистрибутивного свойства. По результатам анализа экспериментального материала особо актуальными моделями идентификации прилагательных-неологизмов оказались *модель опознания мотивирующего слова (основы) стимула* и *опознание словообразовательной модели стимула*. Эти две условно разграниченные модели находятся в тесной взаимосвязи, так как их реализация, по всей видимости, должна обеспечиваться одним и тем же механизмом - механизмом морфологического анализа слова.

Многие психолингвистические модели распознавания и идентификации слова предполагают, что морфология включена в лексические репрезентации слов, и целью многочисленных исследований процесса морфологической обработки сложного слова в процессе его восприятия является определение специфики этого участия. В зависимости от отношения исследователей к этому характерному признаку полиморфемных слов были предложены различные модели доступа к морфологически сложному слову в процессе его идентификации (см. обзор [Сазонова 1998]). Некоторые исследователи предполагают, что морфологически сложные слова хранятся в лексиконе независимо от базовых форм, от которых они были образованы [Butterworth 1983; Henderson 1985]. Модели такого рода выражают крайнюю точку зрения: согласно этому подходу, морфология не используется в целях лексической репрезентации и обработки, т.е. лексический доступ не предполагает декомпозицию полиморфемных слов на их морфемные составляющие. Полиморфемные слова не отличаются в этом отношении от монорморфемных, и доступ к ним осуществляется посредством одних и тех же механизмов. Предполагается, что пользователи обладают знанием морфологических правил, которые они стратегически используют в процессе идентификации морфологически сложного слова. Допускается также вероятность самостоятельного вывода правил из набора морфологически сходных слов, извлекаемых из памяти.

Противоположный подход представлен исследователями, полагающими, что полиморфемные слова подвергаются декомпозиции на стадии, предшествующей лексическому доступу, и первоначально осуществляется доступ к базовой форме [Taft 1975, 1979]. Согласно этой гипотезе, полиморфемные слова не имеют репрезентации доступа; они репрезентированы в морфемах. Тем самым оказывается, что полиморфемные слова остаются за пределами ментального лексикона, а это означает усложнение процедуры их поиска за счет добавления двух дополнительных процессов - декомпозиции для разложения слова на компоненты в целях обеспечения доступа и композиции полученных лингвистических репрезентаций в лингвистическую репрезентацию целого слова. В работе [Sproat 1992] поддерживается эта точка зрения и в качестве доказательства приводится тот факт, что носители языка могут образовывать и понимать новые слова, а это, как считает автор, указывает на наличие

у них некоего знания о корнях и аффиксах и, следовательно, осознания морфологической структуры их языка. Развивая эту идею Л.Хендерсон [Henderson 1985] на основе результатов экспериментов по исследованию процессов производства речи и наблюдений за речевыми ошибками делает заключение, что регулярные морфологические признаки воспринимаются как правила, позволяющие ограничить объем сохраняемой информации.

Несмотря на большое число факторов, говорящих в пользу гипотезы минимального списка, вопрос все еще остается открытым и оба подхода развиваются параллельно. Кроме того установлено, что стратегии сохранения лексических вхождений в лексиконе зависят от конкретного языка: языки неагглютинативного типа имеют тенденцию к сохранению лексических вхождений полным списком, тогда как агглютинативные языки склоняются к более слабой позиции. Морфологический анализ японского языка в значительной степени отличается от анализа английского языка, поскольку между словами не существует пробелов. Аналогична ситуация и для многих языков Азии, таких как корейский, китайский, тайский и других. В семье индоевропейских языков, такие языки как немецкий имеют похожий феномен в образовании сложных слов с номинативными основами. Обработка таких языков требует в первую очередь идентификации границ слова - проблема более известная исследователям восприятия звучащей речи.

Между вышеназванными крайними позициями находятся теории, поддерживающие морфологическую декомпозицию для некоторых полиморфемных форм, таких как флективные формы, но отрицающие ее для дериватов. Ещё больше усложняют картину гипотезы, в которых модели распознавания слова используют дистрибутивные свойства морфем для их репрезентации. Например, в моделях [McClelland & Rumelhart 1986; Seidenberg 1987] морфемы вообще не представлены эксплицитно. Авторы утверждают, что многие морфологические эффекты, описанные ранее в литературе, отражают установление соответствия между фонологическими, орфографическими и семантическими характеристиками (признаками) слов. Согласно этой точке зрения, вообще не существует уровня репрезентации, который бы соответствовал морфологии.

В некоторых моделях предусмотрен параллельный поиск морфологически сложного слова в лексиконе по двум маршрутам. Этот подход допускает наличие репрезентаций доступа для целого слова и его отдельных компонентов. На уровне обработки процедура доступа осуществляется одновременно и к репрезентации целого слова, и к репрезентациям входящих в его состав морфем. Параллельная обработка осуществляется одновременно по двум маршрутам, при этом результат раньше завершённой операции передается на следующий модуль. Модели двойного доступа имеют ряд преимуществ, так как объясняют процесс идентификации новых слов, не встречавшихся человеку в его речевой практике. Являясь не очень экономичными с точки зрения когнитивных ресурсов, эти модели представляются более надежными. Примерами таких моделей в контексте процесса обработки полиморфемных слов являются модель каскадного типа ААМ, разработанная и описанная в [Caramazza et al., 1988], и модель, предложенная в работе [Frauenfelder & Schreuder 1992]. Несколько по-другому рассматривает этот вопрос Д.Сандра [Sandra 1997]. В его исследовании высказывается мнение, что факт существования огромного числа полиморфемных слов в словарном составе языка и продуктивность некоторых морфологических образцов являются совершенно нейтральными в отношении репрезентаций и процесса обработки известных морфологически сложных слов. Хотя морфологическая обработка и неизбежна при первой встрече с новым сложным словом, впоследствии

она может более не иметь места. Он считает, что частота встречи с морфологически сложным словом может способствовать образованию отдельной репрезентации. При встрече с малознакомым или новым словом в памяти человека автоматически будет создаваться репрезентация, которая впоследствии будет укрепляться. Чем “сильнее” становится репрезентация, тем легче осуществляется доступ к ней. Сообразно этой точке зрения, наиболее регулярные, прозрачные по форме и семантике полиморфемные слова, будут иметь собственную репрезентацию доступа, если они достаточно часто встречаются в речи, хотя это и не означает, что доступ к ним всегда осуществляется исключительно посредством целостной репрезентации.

С нашей точки зрения, упомянутые выше модели не являются взаимоисключающими, поскольку и сам класс полиморфемных слов не является однородным. Если вопрос о характере репрезентации и обработки морфологически сложных слов зависит от категории этих слов, то следует выяснить, какие факторы определяют эти категории. Авторы моделей обработки морфологически сложного слова вводят понятие *частотности морфемы*. Частотность морфемы (*morphemic frequency*) - это кумулятивная частотность всех дериватов, образованных от одной основы. (исключая частотность свободной лексической единицы, омонимичной основе). Частотность морфемы-основы может служить основанием для упорядочивания лексических вхождений в лексиконе и существенно влиять на доступ к слову (см. пример идентификации слова ПРИПОРТАЛЬНЫЙ в моем экспериментальном списке). Например, модель поискового типа [Taft & Forster 1975] содержит файл доступа (*access file*), в котором представлен список всех морфем в порядке их частотности.

Многие авторы указывают на ограниченность моделей, в которых не учитываются специфические свойства аффиксов и способов словообразования в конкретном языке. Особенности морфологической обработки могут в разной степени проявляться в экспериментальном материале в зависимости от ряда параметров; в том числе модальности восприятия, дистрибутивных свойств аффиксов, продуктивности, субъективной и объективной частотности, семантической и фонологической прозрачности и др. Поэтому неудивительно, что современная литература по вопросам морфологической обработки изобилует противоречивыми результатами. В обзоре [Marslen-Wilson et al. 1994] отмечается, что такая ситуация объясняется общей тенденцией не принимать в расчет семантическую прозрачность. Авторы согласны с тем, что семантическая прозрачность является решающим фактором в процессе морфологической обработки, хотя результаты их эксперимента указывают на то, что нельзя игнорировать и другие столь же важные параметры.

Как уже упоминалось, вопрос о характере и особенностях морфологической обработки сложных слов по-разному решается в зависимости от конкретного языка. Большинство исследований места и роли морфологии в лексиконе выполнены на основе английского языка. Однако общеизвестно, что полиморфемные слова в разных языках образуются в соответствии с различными морфологическими принципами, что обязательно должно отразиться на специфике процессов вычисления морфологической структуры сложного слова. Авторы исследований по вопросам морфологической обработки слова в процессе его идентификации предполагают, что данные, полученные для типологически различных языков, и их сопоставительный анализ сыграют важную роль в создании метатеории вычисления морфологической структуры сложного слова.

В отечественной психолингвистике роль морфологического фактора в организации индивидуального лексикона и специфики его единиц обсуждается в

работах А.А.Залевской [1990, 1992, 1999]. Авторская концепция лексикона как динамической функциональной системы связей, устанавливаемых на основе многократного пересечения формальных и содержательных элементов памяти, и психолингвистической теории слова как средства доступа к единой информационной базе человека позволяет интерпретировать многочисленные экспериментальные данные, отражающие участие морфологии в процессе обработки речевого сообщения. При этом морфема трактуется как психолингвистическая единица, а морфологическое знание не только является важным орудием обработки лексической информации, но и обеспечивает функционирование морфемы как интерфейса между уровнями лексикона: морфема - связующее звено между поверхностным уровнем форм и глубинным уровнем значений, которые выделяются в большинстве моделей лексикона человека.

По результатам анализа нашего экспериментального материала особо актуальными моделями идентификации прилагательных-неологизмов оказались модель опознания мотивирующего слова (основы) стимула и опознание словообразовательной модели стимула. Эти две условно разграниченные модели находятся в тесной взаимосвязи, так как с точки зрения теории восприятия речи их реализация, по всей видимости, должна обеспечиваться одним и тем же механизмом - механизмом морфологического анализа слова. Подавляющее большинство ассоциативных реакций и субъективных дефиниций свидетельствуют о том, что опознание прилагательного-неологизма происходит путем поиска значения его мотивирующей основы или основ: ОБРУБИСТЫЙ - сРУБ, ОБРУБок, ОБРУБить, РУБить; ОЧУГУНЕВШИЙ - ЧУГУН, ЧУГУНный, ЧУГУНок; НАЗЕРКАЛЕННЫЙ - ЗЕРКАЛю, ЗЕРКАЛьный, заЗЕРКАЛенный, поЗЕРКАЛенный и многие другие. Анализ всего ассоциативного поля конкретного стимула дает возможность предположить, что об опознании мотивирующей основы говорят и многочисленные реакции, которые свидетельствуют о том, что именно опознанная мотивирующая основа стимула вызвала подобные ассоциации: ОЧУГУНЕВШИЙ - чугунок, кастрюля, котел; ПОРЕПАННЫЙ - РЕПа, РЕПчатый лук, большая свекла, огород, грядка; СМИРУПОНИТОЧНЫЙ - сМИРный, МИР, земной шар.

Меньшим числом примеров представлены случаи, когда идентификация прилагательного была мотивирована аффиксами и/или флексиями: ОБРУБИСТЫЙ - ОБрвыИСТЫЙ, ОБтесанНый, ОБвесИСТЫЙ; ВАТИРОВАННЫЙ - согласовАННЫЙ, терраризировАННЫЙ, балатировАННЫЙ; ПРИПОРТАЛЬНЫЙ - ПРИвокзАЛЬНЫЙ.

Выделение морфологических компонентов слова в качестве опоры для идентификации новых прилагательных предполагает наличие у носителя языка морфологического знания. Приведенные выше примеры, возможно, подтверждают наличие у носителя языка правил и идентификационных эталонов, свидетельствуют об опознании словообразовательной модели, где аффиксы и флексии выступают как более стабильные, более частотные элементы, в отличие от корневых морфем. Тем не менее, остается открытым вопрос, является ли факт опознания словообразовательной модели стимула результатом успешно проведенного морфологического анализа, или морфологический анализ стимула осуществляется на основе опознания его словообразовательной модели. Одним из возможных ответов на этот вопрос может служить исследование С.И.Тогоевой [1989], которая выдвигает гипотезу о функционировании в индивидуальном сознании *общих идентификационных эталонов*, обеспечивающих осознание значения словесного новообразования, построенного по типовой продуктивной словообразовательной модели, и *частных идентификационных эталонов*, позволяющих понимать значения инноваций, построенных по индивидуальным словообразовательным моделям.

Вопрос о наличии у носителя языка морфологического знания тесно связан с другим вопросом, а именно, хранятся ли морфемы в ментальном лексиконе отдельно в том виде, в каком их выделяют в разных языках - корневые морфемы, деривационные аффиксы и флексии? Этот вопрос является принципиальным, поскольку то, как хранятся морфемы, влияет на процесс распознавания слова. Так, вопрос о раздельном хранении простых и производных форм влияет на размер когорты кандидатов на распознавание стимула. Существует также предположение, что морфологические компоненты слова обрабатываются на разных уровнях [Garret 1980] и что обработка аффиксов и корневых морфем требует различных усилий [Buckingham 1981]. В этом смысле показательным является пример идентификации слова КАТАСТРОФИЛЬНЫЙ. Реакции типа филя, профиль, дистрофик свидетельствуют о том, что распознавание малопродуктивного суффикса -ильн- представляет для ии большую трудность, чем опознание хорошо известного слова «катастрофа».

Дж. Стембергер [Stemberger 1985] предполагает, что все морфологически сложные слова имеют внутреннюю структуру, при этом морфемы не хранятся в ментальном лексиконе во множестве копий, а извлекаются в процессе речепроизводства как обобщения о языковых формах, которые автор называет *правилами*. Продуктивные аффиксы и корневые морфемы могут извлекаться как *базисные (основные) правила*, предполагающие прямой доступ к единице лексикона и как *малые правила*, согласно которым доступ к единице лексикона осуществляется через автоматизированные единицы более высокого уровня. Непродуктивные аффиксы трактуются автором как малые правила. Правила не только содержат структурную, морфологическую, фонетическую и другую информацию о словах и морфемах языка, но и сообщают, при каких условиях эта информация может быть использована.

Как уже отмечалось выше, допущение о раздельном хранении всех морфологических компонентов слова предполагает наличие в лексиконе человека морфологического знания, обеспечивающего декомпозиционный морфемный анализ в процессе восприятия и композиционный морфемный анализ в процессе производства речи. Как пример использования морфологического анализа можно рассматривать идентификацию слова ПРИПОРТАЛЬНЫЙ. На основе морфемного анализа ии. выделяют приставку при-, суффикс -альн- и окончание -ый (см. реакции ПРИвокзальный, зонаЛЬНЫЙ, шпоровАЛЬНЫЙ), в результате чего в качестве корневой морфемы выделяется слово «порт» - ПОРТовый, реПОРТаж, исПОРТить, а также ассоциация игла (вероятно от ПОРТной). На самом же деле мотивирующим словом прилагательного ПРИПОРТПАЛЬНЫЙ является менее знакомое ии. слова «портал». Наличием в ментальном лексиконе отдельного списка связанных морфем можно, вероятно, объяснить примеры словотворчества ии., когда образуются новые производные формы (квазилексемы) путем присоединения аффиксов к несуществующим основам, например, ПРИПОРТАЛЬНЫЙ - шпоровальный.

Идентификация прилагательного СМИРУПОНИТОЧНЫЙ также происходит с опорой на мотивирующие элементы. В основе этого стимула лежит фразеологическое сочетание «с миру по нитке», которое функционирует в языке в двух вариантах: «собирать с миру по нитке» и «с миру по нитке - голому рубаха». Вопрос о хранении в лексиконе идиоматических выражений и доступе к ним - это отдельная проблема. Как известно, значение идиоматических выражений не является суммой значений составляющих его слов. Предполагается, что идиомы хранятся и обрабатываются как отдельные лексические вхождения. Исследования показывают, что сложность ментальных репрезентаций идиоматических выражений не затрудняет доступа к ним и они не подвергаются семантической декомпозиции ни на каком из уровней обработки

[Cutler 1983]. Это утверждение согласуется с обоснованным А.А.Залевской принципом включения единиц поверхностного яруса лексикона в контексты разной протяженности и разного характера, в том числе и обусловленного речевыми привычками [Залевская 1990]. В случае установления связи с таким контекстом в процессе идентификации слова происходит актуализация всех его составляющих, о чем свидетельствуют данные нашего эксперимента. При идентификации прилагательного СМИРУПОНИТОЧНЫЙ происходит опора не только на фактически представленные в слове-стимуле основы (см., например, мир, нитка, с миру по нитке, с миру по ниточке), но и на подразумеваемый привычным словоупотреблением элемент фразеологического сочетания (собирать, сбор, сборщик, рубаха и т.д.).

Предположение о том, что в основе поиска производного слова лежит морфемный анализ, учитывается в модели лексикона, предложенной в работе [Taft & Forster 1975]. Согласно этой модели, идентификация, например, префиксального производного слова осуществляется следующим образом: 1) декомпозиция слова на основу и префикс, поиск префикса; 2) поиск основы; 3) присоединение префикса к опознанной основе, в результате чего и происходит узнавание слова. Однако эта гипотеза не объясняет, каким образом осуществляется доступ к псевдопроизводному слову. Если предположить, что при идентификации прилагательного ОБРУБИСТЫЙ имел место морфологический анализ, то вряд ли активировались бы слова обрыв, обрывистый. Остается также неясным, каким образом обеспечивается доступ к слову, если в результате присоединения аффиксов изменяется его основа.

Были предприняты попытки решить эти вопросы исходя из понятия разных уровней морфологии. К морфологии первого уровня относят все случаи деривационных производных, требующих фонологических изменений и нерегулярные словообразовательные морфемы. К морфологии второго уровня относят все случаи регулярного словообразования, не вызывающие никаких фонологических изменений в корневых морфемах.

Некоторые модели восприятия речи (например, когортная модель, модель логогенов) предусматривают отдельные вхождения в лексикон для морфологически сложных слов. Другие (например, [Caramazza, Miceli, Silvery & Laudanna 1985]) допускают две процедуры извлечение единиц ментального лексикона при чтении слов, относящихся к морфологии первого уровня: процедуры адресации продуктов морфологического разбора и процедуры адресации целого слова. Обе они составляют лексическую адресную систему, отграниченную от лексикона с орфографическим входом, где слова хранятся в морфологически раздельной форме. Корневые морфемы хранятся отдельно от аффиксов, но их репрезентации содержат информацию о том, какие аффиксы разрешены, а какие запрещены для использования с этой морфемой. Процедура адресации целого слова функционирует по типу логогенов: активированный адрес целого слова определяет корневую морфему и репрезентацию аффикса в орфографическом лексиконе. Операция морфологического разбора осуществляется параллельно с процедурой адресации целого слова. Морфологический анализ хотя и является процедурой более долгой и сложной, чем процедура адресации целого слова, он тем не менее является необходимым для идентификации новых морфологически сложных слов, какими являются прилагательные нашего экспериментального списка.

Система субморфемной орфографо-фонологической конверсии дает возможность осуществлять доступ к слову и с тех случаях, когда деривационные преобразования вызывают изменения корневой морфемы, в результате чего при идентификации

прилагательного ПРИТУЖНЫЙ в качестве опорных выделяются два мотивирующих слова: “тужить” и “тугой”; для прилагательного КОЗЕРОЖНЫЙ - “рог” и “рожа”.

Гипотеза о двух процедурах обработки морфологически сложного слова в процессе его распознавания дает возможность интерпретировать многие экспериментальные факты, а также случаи словоупотребления в норме и патологии речи, в том числе и феномен идентификации нового слова, не встречавшегося человеку в его речевой практике. Однако остается неясным, на какой основе осуществляется приоритетный выбор опоры для идентификации в случае неоднозначности корневых морфем; например, идентификация прилагательного ПОРЕПАННЫЙ мотивировалась двумя словами: “репа” и “репаться” (“трескаться” по словарю В.И.Даля). Решение этих вопросов предлагалось за счет расширения существующих базовых моделей, например, путем прибавления дополнительных компонентов (см., например, [Norris 1986; Aitchison 1987] или возможности параллельной обработки информации наряду с последовательной [Stemberger 1985]).

Дальнейшее исследование процессов морфологической обработки слова с психолингвистических позиций представляется чрезвычайно актуальным, поскольку особенности морфологической обработки слова могут в разной степени проявляться в экспериментальном материале в зависимости от следующих параметров: модальность восприятия, дистрибутивные свойства аффиксов, продуктивность, частотность, семантическая и фонологическая прозрачность и ряд других. Особенности хранения лексических вхождений в лексиконе и процессов их морфологической обработки зависят также от конкретного языка - языки неагглютинативного типа имеют тенденцию к сохранению лексических вхождений полным списком, тогда как агглютинативные языки склоняются к более слабой позиции. Поэтому неудивительно, что современная литература по вопросам морфологической обработки слова изобилует противоречивыми результатами. Компьютерная метафора и требования, предъявляемые к компьютерному моделированию, приводят к тому, что зачастую отдается предпочтение фактору *скорости* обработки информации в ущерб фактору *надежности*, тогда как этот фактор требует использования всех информационных и когнитивных ресурсов человека для достижения более полного взаимопонимания в процессе общения.

2. Стратегия опоры на ситуацию

Анализ экспериментального материала, отражающего процесс поиска значения нового прилагательного в индивидуальном лексиконе проводился в рамках разрабатываемой А.А.Залевской [1990,1992,1999] концепции *внутреннего контекста*. Речевая способность трактуется автором как “самоорганизующаяся динамическая функциональная система, а специфика единиц лексикона выводится из закономерностей процесса речемыслительной деятельности и из особенностей переработки человеком разнородной информации об окружающем его мире при становлении слова как достояния индивида [Залевская 1992:54]. Важной особенностью данной трактовки является акцент на постоянное взаимодействие между *процессами* переработки информации и их *продуктами* - “новое в опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведет к ее перестройке, а каждое очередное состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке нового опыта” [Op. cit.: 55]. Значение слова не сводится к понятию: в процессе идентификации “осознанное или протекающее на подсознательном уровне сопоставление с продуктами предшествующего опыта индивида охватывает все многообразие увязываемых со

словом чувственных впечатлений, т.е. фактически происходит включение слова в многогранный “внутренний контекст”, изначально являющийся перцептивно-когнитивно-аффективным” [Op. cit.:64].

Понятие внутреннего контекста получает развитие и в смежных с психолингвистикой областях знания. В русле когнитивной психологии внутренний контекст рассматривает Р.Стернберг [Sternberg 1996a]. Когнитивный внутренний контекст индивида влияет на процессы кодирования, хранения и извлечения информации. Автор полагает, что наряду со схемами знаний, внутренний контекст будет также определяться эмоциями, модальностями разных видов, состояниями сознания и внешним контекстом как усвоения знаний, так и их воспроизведения. Все указанные характеристики внутреннего когнитивного контекста так или иначе будут определять процесс идентификации слова. Рассматривая роль языка в таком внутреннем когнитивном контексте Р.Стернберг [1996б] отмечает, что слова являются наиболее экономичным способом оперирования информацией. Вокруг слова, к которому имеется доступ, легко организовать новую информацию, увязываемую с ним носителем языка при встрече с новым словом или в результате овладения новым опытом.

В когнитивной лингвистике также признается важным трактовать контекст как ментальное явление. Ф.Унгерер и Г.Й.Шмит [Ungerer & Schmid 1996] предлагают использовать термин “контекст” для обозначения когнитивной репрезентации взаимодействия между ментальными концептами или когнитивными категориями. Такая когнитивная репрезентация, или контекст, формируясь в процессе взаимодействия человека с реальным миром, немедленно вступает в связь со знаниями индивида, хранящимися в долговременной памяти. Таким образом, когнитивные категории зависят не только от текущего контекста употребления, но и от целого комплекса ассоциирующихся с ними внутренних когнитивных контекстов. В случае взаимодействия с совершенно новыми объектами или ситуациями, для которых индивид не имеет когнитивных репрезентаций, он опирается на ближайшие контексты, используя все доступные для идентификации признаки, и при этом немедленно формируется новая когнитивная модель. Из этого следует, что идентификация никогда не происходит в “деконтекстуализованном вакууме”. Даже незнакомое человеку слово, предъявленное вне контекста, вызывает в сознании человека определенную информацию.

Предпринятый суммарный анализ всех материалов, полученных в основном и дополнительном экспериментах дал возможность построить для каждого исследуемого прилагательного единое поле данных, интегрирующее все выявленные опорные элементы идентификации, модели связей, стратегии идентификации новых прилагательных. При этом мы исходили из представлений о том, что материалы различных заданий экспериментов отражают различные этапы работы со словом, т.е. различные уровни его идентификации. Таким образом, полученные от испытуемых микроконтексты интерпретировались как частично вербализованный внутренний когнитивный контекст языкового и практического опыта испытуемых, который дает более полное представление о том фрагменте индивидуального знания, который, актуализуясь в процессе идентификации нового слова, служит для нее опорой, тогда как отдельные ассоциативные реакции и субъективные дефиниции констатируют факт установления связи с одним или несколькими опорными элементами, что подтверждается примерами многократных пересечений и дублирования материалов основного и дополнительного экспериментов, несмотря на то, что они проводились в разных группах испытуемых.

В дополнительном эксперименте ии. предлагалось выполнить коммуникативные задания: составить предложение со словом-стимулом и подобрать близкие по смыслу слова. Полученные микроконтексты свидетельствуют о том, что процесс идентификации значения нового слова как необходимое условие выполнения поставленной задачи направлял конструирование предложения по типу встречного поиска значения стимула: распознавание слова, уяснение его значения для самого себя, оказалось настолько значимым, что при этом иногда забывалось само задание, в результате чего микроконтекст не включал в себя слово-стимул, но давал представление об актуализовавшемся образе, т.е. о том фрагменте внутреннего контекста, который послужил опорой для идентификации слова. Например для прилагательного НАЗЕРКАЛЕННЫЙ был получен следующий микроконтекст: “Он любил аккуратность во всех делах”; на прилагательное ПРИТУЖНЫЙ - “У него был очень сильный характер”.

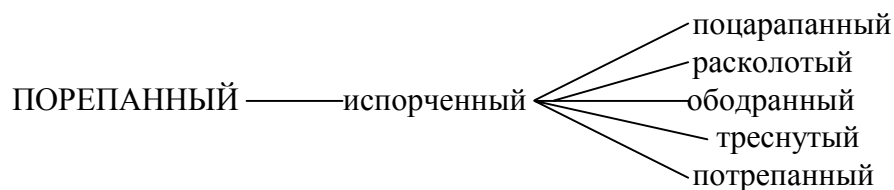
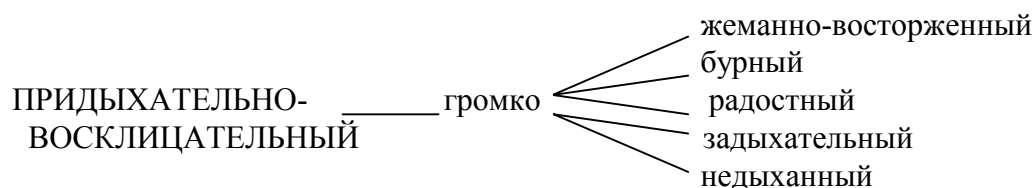
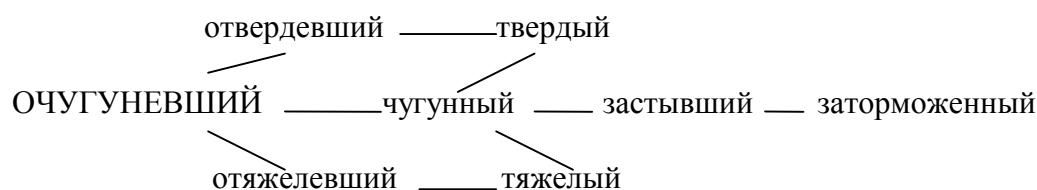
Другим свидетельством актуализации внутреннего контекста служат некорректные, с точки зрения нормативного словоупотребления, предложения, в которых нарушены правила семантической или синтаксической сочетаемости слов. Однако мы полагаем, что именно такие предложения наиболее показательны отражают значимые элементы, которые послужили приоритетной опорой для идентификации стимула: “Блеск зала был как НАЗЕРКАЛЕННЫЙ”, “Обелесившийся старик сединой” (на стимул ОБЕЛЕСЕВШИЙ), “Отец пришел с работы с очугуневшей усталостью”, “Свои личные вопросы они решали иногда” (для прилагательного ПОЛУЧАСТНЫЙ). В некоторых анкетах были зарегистрированы исправления, вызванные стремлением ии. придать более правильную грамматическую или семантическую оформленность записанным предложениям.

Зарегистрировано несколько микроконтекстов, в которых была изменена форма стимула, что также отражает направления поиска значения слова: “Это пальто сшито тяп-ляп” (стимул - ТЯП-ЛЯПОВЫЙ), “Притужность была свойственна его деятельности” (ПРИТУЖНЫЙ), “Простодырость многих понятий была отличительной чертой его характера”, “Речь была скудна и простодыра” (ПРОСТОДЫРЫЙ), “Смирупониточно получится клубок” (СМИРУПОНИТОЧНЫЙ). Эти и другие примеры позволяют выделить стратегию опоры на ситуацию, представляющую собой фрагмент индивидуального знания, фрагмент внутреннего контекста, как основную стратегию идентификации нового прилагательного.

Как показывает анализ интегративных полей прилагательных-стимулов, ситуация может быть представлена статичным объектом или динамичным процессом, где прилагательные характеризуют сам процесс, включенные в него объекты, а также связанные с ним эмоционально-оценочные переживания. Таким образом под ситуацией здесь понимается некий фрагмент объективной действительности, представленный в памяти индивида в единстве всех переживаемых им чувственных, когнитивных и аффективных характеристик, фрагмент индивидуальной картины мира, единица индивидуального знания.

Материалы нашего экспериментального исследования показывают, что непровольное стремление человека разьяснить идентифицируемую словоформу для самого себя, конкретизировать выраженный прилагательным признак путем соотнесения его с близкой по значению единицей лексикона, прослеживается в процессе опознания всех слов нашего экспериментального списка. Ассоциативная реакция отражает установление связи по какому-то, наиболее актуальному, признаку с близкой стимулу по значению единицей лексикона, тогда как остальные признаки не актуализируются, но обязательно учитываются на подсознательном уровне.

Ассоциативное поле дает нам более менее полную картину разложения усваиваемой индивидом словоформы на признаки и признаки признаков в процессе ее идентификации:

Идентификация значения нового слова, разъяснение и уточнение человеком для самого себя той информации, которая актуализируется в его информационном тезаурусе при встрече с новым словом, происходит при постоянном взаимодействии процессов конкретизации и абстрагирования, дифференциации и интеграции. Дифференциальные и интегральные признаки могут служить опорой для идентификации при подсознательном учете всех остальных, которые могут актуализироваться при изменении “угла зрения”, обусловленного многими факторами. Рассмотрим два примера микроконтекстов, полученных на прилагательное НАЗЕРКАЛЕННЫЙ: “Из подъезда вышел высокий назеркаленный человек” (красивый, вычищенный) и “Назеркаленный он шел по площади и отражал в себе великолепие и безобразие взглядов, направленных на него” (начищенный, приведенный в порядок, убранный, чистый). В скобках приведены слова, записанные ии. как близкие по значению стимулу и фиксирующие некоторые признаки, послужившие основанием для включения стимула в ту или иную ситуацию. Очевидно, общим (интегральным) признаком, ставшим опорой для идентификации прилагательного НАЗЕРКАЛЕННЫЙ, в этих примерах является признак “чистый”, тогда как включение слова в контекст свидетельствует о более или менее сознательном учете других признаков: это “высокий человек” (вероятно, красивый) в первом случае и “отражал в себе” (зеркальный, отражающий), “все великолепие” (красивый) во втором.

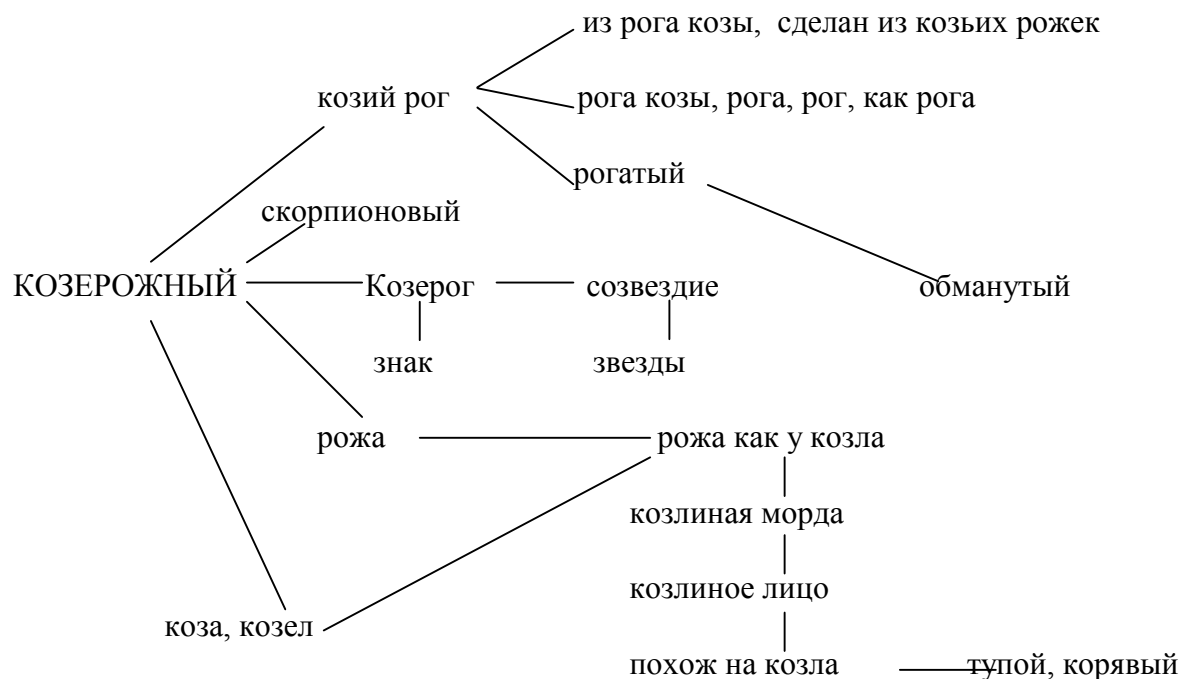
Другие предложения свидетельствуют о том, что опорой для идентификации стал признак “зеркальный”. Например, “В Америке крупные офисы и учреждения назеркаленные” (покрытые блестящей зеркальной поверхностью); “красивый” - “У сестры была назеркаленная внешность” (красивая); “блеск” - “На столе стоял назеркаленный самовар”. Анализ всех микроконтекстов, полученных на

прилагательное НАЗЕРКАЛЕННЫЙ, показывает, что признаки “блеск, блестящий”, “зеркало, зеркальный”, “чистый”, “красивый”, находясь в сложных дифференциально-интегральных отношениях между собой, служат опорой для включения этого стимула в контекст предшествующего опыта индивида и способствуют идентификации его значения.

Таким образом, вычлененные признаки являются той базой, на основе которой происходит включение нового слова в сложную систему взаимных пересекающихся связей между единицами лексикона, а ассоциации можно рассматривать как продукты такого включения, обусловленные пересечением линейных и иерархических связей между единицами поверхностного и глубинного уровней индивидуального лексикона. Такая точка зрения на характер связи между единицами лексикона дает возможность рассматривать два вероятных пути поиска опоры для идентификации при опознании значения нового прилагательного: прямой и опосредованный. В первом случае это могут быть все ассоциативные связи типа “признак - носитель”, которые были зарегистрированы для слов, характеризующихся низкой степенью новизны, когда носитель признака выступает как своего рода эталон качества: ПРОСТОДЫРЫЙ - простак, болван, “лопух”.

Рассматривая ситуацию “признак - носитель”, необходимо отметить следующее: во-первых, модель идентификации значения прилагательного-неологизма путем приписывания признака его потенциальному носителю оказалась самой актуальной для всех слов нашего экспериментального списка; во-вторых, большая часть субъективных дефиниций значения прилагательных-неологизмов представляют собой разъяснение признака через понятие, которому этот признак присущ или может быть приписан; в-третьих, микроконтексты также показывают, что включенный в ситуацию идентифицированный признак обязательно приписывается какому-либо носителю. Таким образом, диалектическое единство “признак - носитель” представляет собой сложный динамический объект, ономазиологическую структуру которого образуют понятия предмета, проявляющего свое существование в признаке, и признака, проявляющего свое существование в предмете [Кривченко 1982]. В связи с этим, можно высказать предположение, что комплекс “признак - носитель” является одной из элементарных “схем” упорядочивания и хранения знаний о мире в индивидуальном лексиконе. Возможность включения нового слова в одну из таких схем обеспечивает быструю его идентификацию [Родионова 1995] и служит средством и способом инкорпорирования нового прилагательного в идиолексикон, о чем также свидетельствуют зарегистрированные в нашем экспериментальном материале реакции типа “что-то”: ЗОЛОШЛАКОВЫЙ - что-то переработанное, что-то из золы и шлака; ПРИПОРТАЛЬНЫЙ - что-то возле порта; КУЛЬТУРНО-ПЛАТНЫЙ - что-то платное; ПОРЕПАННЫЙ - изъяны на чем-то.

Как уже упоминалось при рассмотрении стратегии опоры на формальные элементы, практически для всех прилагательных идентификация значения осуществляется путем опознания мотивирующей основы или основ. Результат опознания мотивирующей основы задает направление поиска значения прилагательного. По-разному опознанная мотивирующая основа обусловила различные направления поиска значения нового прилагательного. Так, на прилагательное КОЗЕРОЖНЫЙ получены следующие ассоциативные ряды в зависимости от опознания мотивирующей основы:

Среди внутренних факторов, обусловивших идентификацию стимулов, можно назвать возраст наших ии., что отражается и в тематике микроконтекстов, и в выборе в качестве опорной мотивирующей основы слов, употребляющихся в молодежной среде: “Он хотел выглядеть обрубистым” (сногшибательный, печально-известный); “В кинотеатре шел обрубистый фильм” (замечательный, хороший); “Человека, который часто шутит, его называют приколист или обрубистый” (приколист); “Стежениа компания собралась на пикник (веселый). Предшествующий опыт индивида, благодаря которому происходит идентификация нового, не встречающегося ранее слова, формируется при непосредственном взаимодействии индивидуального и коллективного знания. Социальный аспект индивидуального знания актуализировался в следующих микроконтекстах: “За последние годы в нашей стране все более уживается тьяп-ляповый метод работы” (быстрый, абы-какой, плохой); “Наша страна находится в смирупониточном периоде” (нищий); “Катастрофильное положение сложилось в нашей стране с продуктами питания” (катастрофа). Общепринятые нормы, оценки, стереотипы с учетом национально-культурной специфики также определяют “угол зрения”, который высвечивает тот или иной фрагмент индивидуального знания, ставший опорой для идентификации прилагательного-неологизма: “Николай шел домой и думал о том, что старушки, сидящие возле дома, осудят его с ног до головы, ведь им все надо, у них вездесуйный характер” (любопытный).

Заключение

Мы рассматривали процессы, обеспечивающие выбор опоры для идентификации стимула, путем анализа различных, условно разграниченных мотивирующих элементов. Тем не менее, анализируя возможности выбора опоры, мы постоянно возвращались к тому, что выделенные нами мотивирующие элементы не являются единственно возможной опорой для идентификации. Так, при анализе опоры на графический образ было отмечено, что при организации поиска по началу слова

опознанная словообразовательная модель стимула может обеспечить сужение числа слов - кандидатов на распознавание. Отмечается взаимосвязь процессов анализа морфологических компонентов стимула и опознания его словообразовательной модели и взаимообусловленность их результатов. В ряде случаев просто не представлялось возможным выделить приоритетные опорные элементы, так как реакции и свидетельствуют об опознании и графического, и фонетического образа стимула, и его словообразовательной модели, и семантического компонента. Все это свидетельствует о взаимодействии (интеракции) разных видов знания в индивидуальном лексиконе в процессе распознавания слова.

Интерактивный подход к лексикону и принципам его функционирования широко представлен в психолингвистике последних лет. Общим положением, объединяющим различные интерактивные модели, является признание взаимодействия концептуальных знаний и информации о форме стимула при поиске ментальной репрезентации слова. Проблема, которую пытаются решить исследователи, заключается в следующем: какого типа интеракция имеет место, на каком уровне и когда. В отличие от многих подходов к проблеме идентификации слова, предполагающих, что уровни структуры воссоздаются один за другим, и, особенно, что семантическая интерпретация начинается только тогда, когда получены фонетическая и синтаксическая репрезентации, для интерактивных моделей характерна идея параллельной обработки сигнала на всех уровнях. Предполагается также, что результат обработки одного уровня является доступным для всех остальных уровней и может служить опорой для активации полной ментальной репрезентации и, тем самым, идентификации слова. Некоторые реакции, полученные от ии в нашем эксперименте дают свидетельства подобного опережения в процессе обработки информации стимула. Однако, для идентификации стимула может быть использована не только более доступная опора, но и более актуальная с точки зрения носителя языка.

Модели поиска слова в индивидуальном лексиконе, к которым мы обращались в ходе анализа экспериментального материала, характеризуются различной степенью интерактивности. Их можно рассматривать как гипотетические принципы организации слов, или определенных групп слов, в ментальном лексиконе. Так, согласно модели В.Д.Марслена-Вильсона, сужение когорты может осуществляться как по мере поступления сенсорной информации, так и под влиянием контекста. В нашем эксперименте слова предъявлялись изолированно, но тем не менее, есть свидетельства, что помимо вышеназванных, существуют другие факторы, обеспечивающие сужение когорты слов. Как показывает наш экспериментальный материал, при последовательном пересмотре слов-кандидатов в когорте предпочтение отдается слову, относящемуся к одному и тому же классу слов или, точнее имеющему сходную со стимулом словообразовательную модель. Вхождение каждой единицы поверхностного яруса лексикона в большое количество связей по линиям звуковой и графической формы обеспечивает также связь по морфологическим параметрам слова. Так, все описанные нами случаи опознания мотивирующей основы прилагательного-стимула могут рассматриваться не только как результат морфологического анализа, но и как факт пересечения графических элементов: ПРИПОРТАЛЬНЫЙ - реПОРТаж, раПОРТ, исПОРТить; ПОЛУЧАСТНЫЙ - ЧАСТник, уЧАСТник, ЧАСТичный, уЧАСТок; КАТАСТРОФИЛЬНЫЙ - ФИЛя, прОФИЛЬ, диСТРОФИк и многие другие. Однако, «отнесение морфологических особенностей языка к числу признаков, лежащих в основе группировки единиц поверхностного яруса лексикона, не означает, что морфема ... трактуется как одноплановая единица, которая не может служить основанием для связи слов по их значениям» [Залевская 1990:138], что, в свою очередь,

обеспечивает связь между поверхностным и глубинным ярусами лексикона. Выделение отдельных аспектов стимула не исключает, а неизбежно предполагает более или менее четкую актуализацию релевантных знаний как о чисто языковых параметрах воспринимаемого слова, так и об отдельных свойствах объектов окружающего мира и связанных с ними субъективных переживаниях.

Использованные при анализе модели распознавания и идентификации слова хотя и не объясняют некоторых отдельных явлений, тем не менее, не противоречат принятой нами за основу анализа концепции многоуровневого лексикона, для которого характерно параллельное хранение и одновременный учет говорящим или слушающим индивидом всего многообразия увязываемого со словом информации [Залевская 1990]. Предложенная автором голографическая гипотеза хранения и считывания информации дает возможность интерпретировать экспериментальные данные, понять, каким образом взаимодействуют различные мотивирующие опоры в процессе идентификации слова, пролить свет на механизмы включения нового слова в многомерную систему связей единиц лексикона. Установление связи между прилагательным-стимулом и наличными единицами индивидуального лексикона по сходству некоторых формальных признаков также обеспечивает вхождение нового прилагательного в контекст предшествующего, вербального и невербального, опыта индивида. Найдя опору в своем информационном тезаурусе - лексиконе - человек переживает новое слово как знакомое и готов оперировать им исходя из той информации, которая увязана с этим словом. Так, наши испытуемые не только составляли предложения с новыми прилагательными, но и разъясняли их значения (в действительности весьма далекие от словарной дефиниции) через близкие по смыслу единицы лексикона: “Здесь подготовлен весь ДОВОДочно-сдаточный материал” (аргументированно-фактированный); “ЗолошЛАКОВОЕ растение растет в поле” (пшеничный, ржаной); “Придумают же, что ключи бывают ватированные” (ВАТИРОВАННЫЙ - квартира - ключи).

Особое внимание обращается на использование испытуемыми всего арсенала имеющихся у них средств при одновременном поиске значения слова по всем возможным направлениям.

Литература

1. Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991.
2. Брунер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации / Пер. с англ. М., 1977.
3. ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. С.153-211.
4. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
5. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
6. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
8. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М., 1989.

9. Кривченко Е.Л. Номинативный аспект предложения. Саратов, 1982.
10. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
11. Пойменова А.А. Лексические ошибки и некоторые пути исследования их психолингвистических механизмов // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 1997. С.44-53.
12. Родионова Т.Г. Стратегии идентификации неологизмов-глаголов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994.
13. Родионова Т.Г. Схема знаний как база для идентификации нового глагола // психолингвистические исследования: Слово и текст. Тверь, 1995. С.84-88
14. Сазонова Т.Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993.
15. Сазонова Т.Ю. Опора на формальные элементы при идентификации нового слова // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. Тверь, 1994. С.65-70.
16. Сазонова Т.Ю. Скрытые механизмы речевой коммуникации: модели и процессы // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 1997. С.76-82.
17. Сазонова Т.Ю. Морфология в лексиконе человека // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь, 1998. С.72-80.
18. Сазонова Т.Ю. Фактор частотности в моделях распознавания слова // Тверь, 1999 (рукопись)
19. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Пер. с англ. М., 1996.
20. Стернберг Р. Триархическая теория интеллекта // Иностранная психология. 1996. № 6. С.54-61.
21. Тогоева С.И. Экспериментальное исследование стратегий идентификации словесного новообразования индивидом // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988. С.42-54.
22. Тогоева С.И. Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989.
23. Aitchison J. Words in the mind: An introduction to the mental lexicon. Oxford: Basil Blackwell, 1987.
24. Andrews S. Morphological influences on lexical access: Lexical or nonlexical effects? // Journal of Memory and language. 1986. 25. P.726-740.
25. Balota D.A. & Chumbley J.I. Are lexical decisions a good measure of lexical access? The role of word frequency in the neglected decision stage // Journal of experimental psychology: Human perception and performance. 1984. 10. P.340-357.
26. Balota D.A. The role of meaning in word recognition. In: Balota D.A., Flores d'Arcais G.B.& Rayner K. (Eds.) Comprehension processes in reading. 1990. Hillsdale, NJ: Erlbaum. P.9-32.
27. Balota D.A. Visual word recognition: The journey from features to meaning // Gensbacher M. A. (Ed.) Handbook of psycholinguistics. San Diego etc.: Academic press, 1994. Pp.303-358.
28. Bever T.G. The cognitive basis for linguistic structures / Hayes J.R. (Ed.) Cognition and the development of language. New York: Wiley, 1970.
29. Buckingham H.W. Where do neologisms come from? // In Brown J. (Ed.) Jargonaphasia. NJ: Academic Press, 1981.
30. Butterworth B. Lexical representation. In: Butterworth B. (Ed.). Language Production Volume 2: Development, Writing, and Other Language Processes. London: Academic Press, 1983, pp.257-294.

31. Caramazza F., Laudanna A., Romani C. Lexical access and inflectional morphology // *Cognition*. 1988. N 28, pp.297-332.
32. Carreiras M., Perea M. & Grainger J. Effects of orthographic neighborhood in visual word recognition: Cross-task comparisons // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1997. 14, pp.857-871.
33. Cole P., Segui J. & Taft M. *Words and morphemes as units for lexical access* // *Journal of Memory and Language*. 1997. Vol.37. P.312-330.
34. Coltheart M., Davelaar E., Jonasson J. F. & Besner D. Access to the internal lexicon // Dornic S. (Ed.). *Attention and Performance VI*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977. Pp. 535-555.
35. Cutler A. Lexical complexity and sentence processing // In Flores d'Arcais & Jarvella (Eds.) *The process of language understanding*. Chichester etc., 1983. Pp.43-79.
36. Emmorey K.D. & Fromkin V.A. The mental lexicon // *Linguistics: The Cambridge Survey*. Volume III. *Language: Psychological and biological aspects*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Pp.124-149.
37. Forster K. I. Accessing the mental lexicon // Wales R.J. & Walker E.(Eds.). *New approaches to language mechanisms..* Amsterdam: North-Holland,1976. Pp.257-287.
38. Frauenfelder U.H., Schreuder R. Constraining psycholinguistic models of morphological processing and representation: The role of productivity. In Booij G.E., Marle J.v.(Eds.). *Yearbook of morphology 1991*. Dordrecht: Kluwer Academic, 1992, pp.165-183.
39. Fromkin V. A. Evidence in linguistics // Robbins R.H. & Fromkin V.A. (Eds.). *Linguistics and linguistic evidence*. Newcastle upon Tyne: Grevatt & Grevatt, 1985.
40. Garnham A. *Psycholinguistics: Central topics*. London; New York: Methuen, 1985.
41. Garret M. Levels of processing in sentence production // In Betterworth B.(Ed.) *Language Production*. Vol.I. NJ: Academic Press, 1980.
42. Gass S.M. & Selinker L. *Second language acquisition: An introductory course*. Hillsdale, NJ etc.: Lawrence Erlbaum, 1994.
43. Grainger J., Jacobs A.M. & Segui J. On the role of competing word units in visual word recognition: The neighborhood frequency effect // *Perception and Psychophysics*. 1989. Vol.45. Pp.189-195.
44. Henderson, L. Toward a psychology of morphemes. In Ellis, A. (Ed.). *Progress in the Psychology of Language*. London: Lawrence Erlbaum. 1985, pp.15-72.
45. Hooper D.A.& Paap K.R. The use of assembled phonology during performance of a letter recognition task and its dependence on the presence and proportion of word stimuli // *Journal of Memory and Language*. 1997. Vol.37. Pp.167-189.
46. Lesch M.F. & Pollatchek A. Automatic access of semantic information by phonological codes in visual word recognition // *Journal of Experimental psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1993. Vol.19. Pp.285-294.
47. Marslen-Wilson W.D. Function and process in spoken word-recognition // Bouma H. & Bouwhuis D.G. (Eds.). *Attention and performance X: Control of language processes*. Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 1984. Pp.125-150.
48. Marslen-Wilson W.D., Tyler L.K., Waksler R., Older L. Morphology and meaning in the English mental lexicon // *Psychological Review*. 1994. N 101, pp.3-33.
49. McCann R.S. & Besner, D. Reading pseudohomophones: Implications for models of pronunciation assembly and the locus of the word-frequency effect in naming // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1987. Vol.13. Pp.14-24.

50. McClelland J.L. & Rumelhart D.E. An activation interaction model of context effects in letter perception. 1. An account of basic findings // *Psychological Review*. 1981. Vol.88. Pp.375-407.
51. McClelland J.L., Rumelhart D.E. (Eds.). *Parallel distributed processing. Explorations in microstructure of cognition*. Vol. 2: psychological and biological models. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
52. Morton J. Facilitation in word recognition: experiments causing change in the logogen model // Kolars P.A., Wrolstad M. & Bouma H. (Eds.) *Processing of visual language*. 1979. Vol.1. New York: Plenum.
53. Morton J. Interaction of information in word recognition // *Psychological Review*. 1969. Vol.76. Pp.165-178.
54. Norris D. Word recognition: Context effect without priming // *Cognition*. 1986. Vol.22. Pp.93-136.
55. Paap K.R., Newsome S.L., McDonald J.E. & Schnaneveldt. An activation - verification model for letter and word recognition: The word superiority effect // *Psychological Review*. 1982. Vol.98.Pp.573-594.
56. Perteffi C.L. & Bell L. Phonemic activation during the first 40 ms of word identification: Evidence from backward masking and priming // *Journal of Memory and Language*. 1991. Vol.30. Pp.473-485.
57. Perteffi C.L., Bell L. & Delaney S. Automatic phonetic activation in silent word reading: Evidence from backward masking // *Journal of Memory and Language*.1988. Vol.27. Pp.59-70.
58. Perteffi C.A., Zhang S. & Berent I. Reading in English and Chinese: Evidence for a «universal» phonological principle // Frost R. & Katz L.(Eds.). *Orthography, Phonology, Morphology and Meaning*. 1992. North-Holland: Elsevier. Pp.227-248.
59. Sandra D. *Morphology in the reader's mental lexicon*. Frankfurt am Main, 1994.
60. Sears C. R., Hino Y. & Lupker S.J. Neighborhood frequency and neighborhood size effects in visual word recognition // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1995. Vol.21. Pp.876-900.
61. Seidenberg M.S. & McClelland J.L. A distributed developmental model of word recognition and naming // *Psychological Review*, 1989. Vol.96. Pp.523-568.
62. Selfridge O.G. & Neisser U. Pattern recognition by machine // *Scientific American*, 1960. Vol.203, Pp.60-68.
63. Sproat, R. *Morphology and Computation*. Cambridge, Mass.: MIT Press.1992.
64. Stemberger J.P. *The lexicon in a model of language production*. New York; London: Garland Publishing, Inc., 1985.
65. Sternberg R.J. *Cognitive psychology*. Fort Worth etc.: Holt, Rinehart and Winston, 1996.
66. Taft M.& Forster K.I. Lexical storage and retrieval of prefixed words // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1975. 14. P.638-647.
67. Taft, M. Recognition of affixed words and the word frequency effect // *Memory and cognition*. 1979. N 7, pp.263-272.
68. Tan L.H. & Perteffi C.A. Visual Chinese Character Recognition: Does phonological information Mediate Access to meaning? // *Journal of Memory and Language*. 1997. Vol.37. Pp.41-57.
69. Tanaka H., Tokunaga T., Aizawa M. Integration of morphological and syntactic analysis based on GLR parsing // Bunt H. & Tomita M. (Eds.) *Recent advances in parsing technology*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1996. Pp.325-342
70. Ungerer F. & Schmid H.-J. *An introduction to cognitive linguistics*. London; New York: Longman, 1996.

71. Van Orden G.C. A ROWS is a ROSE: Spelling, sound and reading // *Memory and Cognition*. 1987. Vol.15. Pp.181-198.
72. Williams M. & Burden R.L. *Psychology for language teachers: A social constructivist approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Two pilot experiments were made to investigate the process of identification of 24 new Russian polymorphemic adjectives, subjects being Russian native speakers. Only printed words were used in the experiment. The experimental techniques included the individual estimation of the degree of novelty of the stimulus word, the psychological subjective scaling, the method of free association, the subjective definition of meaning of the stimulus word, and some others.

The data of psycholinguistic experiments were analysed by grouping the responses according to their relation to the stimulus word. This resulted in the construction of an integrative data field for each stimulus word, that reflected all identification strategies and models for linking items in the mental lexicon and the priority basis chosen for identification (formal or semantic). The complex experimental techniques and a specially created procedure of analysis of the obtained data helped to trace certain universal strategies of accessing items in the mental lexicon and to reveal some peculiarities of identification of words which have different semantic or morphological structure or belong to different parts of speech.

Two major classes of the model have been proposed to account for how words are recognised - direct-access models (W. D. Marslen-Wilson, J. Morton) and search-models (V. Fromkin). Though both have been used for theoretical interpretation of the empirical data, they proved to be not sufficient for explaining all the evidence. More successful were interactive models (A.A. Zalevskaya, J. L. McClelland) which treat the mental lexicon as a dynamic functional system and an integral part of human cognitive abilities. The items in the mental lexicon are viewed as the products of a complex interaction of perceptual, cognitive, emotional and verbal experience stored in one's memory and simultaneously utilised at different levels of consciousness when a word provides access to interconnected fragments of the personal knowledge and world image.